

ПРАВООЗАЩИТА

Грубо говоря, история защиты прав и свобод граждан в современной России начинается в 1994 году, когда впервые Комиссия по правам человека при Президенте РФ обнародовала свой доклад "О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации в 1993 году". Впрочем, Советский Союз и затем наследовавшую ему Россию нельзя заподозрить в отсутствии как минимум теоретической и декларативной приверженности идеалам мирового правозащитничества, ибо этого требовали как имидж "мир своего защитника обездоленных" (СССР), так и "новый курс демократической России". Вспомним хотя бы известную сталинскую Конституцию, буква которой без преувеличения отличалась отменными гуманностью и демократизмом. Но только лишь буква.

Прелюбопытнейшее совпадение: свой доклад президентская комиссия обнародует всего лишь через полгода после "всеобъемлющей" процедуры так называемого общественного согласия, которая последовала за расстрелом Белого дома и репрессиями со стороны правоохранительных (!) органов в отношении сотен мирных граждан столицы, выражавших свой протест по поводу действий властей.

Тогда на почти эпическую высоту власти подняли факт гибели троих участников (практически из-за случайности и алкогольного опьянения) событий 1991 года — гуманных, по сравнению с "усмирением" Верховного Совета в 1993-м. Дескать, они и защитники демократии, и жертвы темных сил коммунистической реакции, и прочая и прочая... Между тем именно тогда родился президентский указ, разрешающий задерживать любого подозрительного с точки зрения милиции человека на тридцать суток. Такого нет в законодательстве ни одной страны, подписавшей Хельсинкское соглашение. А в России, которая постоянно кичится участием в Хельсинкской группе, это стало возможным. Так же как расстрелы и избиения сотен людей, несогласных с властями. Впрочем, как говорят, политический момент прошел, выпущены на свободу "преступники, пытавшиеся нарушить целостность нашей государственности", некоторые из них впоследствии даже стали губернаторами. Но вряд ли что-либо изменилось к лучшему в системе защиты прав и свобод граждан в России.

Прошедшая в Москве научно-практическая конференция на тему "Права человека в субъектах Российской Федерации", организованная Комиссией по правам человека при президенте РФ при участии Федерации мира и согласия под эгидой ООН в рамках программы TACIS, вполне показала беспомощность государственной правозащитной системы в России.

Летом 1994 г. президентская комиссия по правам человека в своем первом в истории докладе отмечала: "В стране происходят серьезные, порой широкомасштабные нарушения гражданских, политических и особенно социальных и экономических прав и свобод человека, что создает социальную напряженность в обществе, питает антидемократи-

ческие настроения, создает для России внешнеполитические проблемы...". В числе причин такого положения назывались и правовой нигилизм, правовая безграмотность населения, и стремление (чье?) решать личные проблемы без учета конституционных требований соблюдения прав человека, и безнаказанность за нарушение законов, и бездушное отношение к нуждам и интересам людей, и бездеятельность чиновников по выполнению служебных обязанностей. Судя по докладам и выступлениям на нынешней конференции, в стране, к сожалению, сохраняется и такое же положение в правозащитной сфере, и его причины.

При этом практически все выступавшие апеллировали, и небезосновательно, к новой российской Конституции: дескать, в ней все права человека заложены, но почему-то они никак не реализуются. И действительно, Основной Закон России, отрицая классовый подход к правам и свободам человека и признавая как идеологическое многообразие, так и частную собственность, во многом опирается на опыт развитых стран с рыночной экономикой и вбирает в себя их лучшие законодательные достижения. Более того, в нашей Конституции, что отмечали многие выступавшие, не только закреплены права и свободы, зафиксированные во Всеобщей декларации прав человека, но многие из них имеют более обстоятельный и конкретный смысл. Это касается вопросов собственности, многопартийности, равных и всеобщих выборов и других атрибутов демократии — в западном понимании. Так в чем же дело? Есть, так сказать, фундаментальная база, а дальше, казалось, дело за малым — следовать ей неукоснительно. Но как показали выступления на конференции, Конституция в России пока не более чем декларация. Красивая, правильная, с точки зрения гуманитарной безупречная, но все-таки декларация. В общем, как и большинство законов, принимаемых в стране.

В этой связи достаточно цинично выглядит высказывание одного из участников конференции, члена Комиссии Государственной Думы по делам национальностей Джамальдинова в ответ на многочисленные упреки присутствующих в том, что в России нет подкрепляющего Конституцию законодательства, и в том, что Госдума занимается политиканством вместо законотворчества: "Мы приняли много законов, защищающих права человека. Например, о ветеранах, об индексации, о пенсиях и другие. Они не исполняются". Нападки на Госдуму "в этом зале" г-н Джамальдинов назвал необоснованными и призвал участников к "большей объективности".

Что касается объективности, то достаточно заметить, что заявленный в программе Владимир Зорин, руководитель указанной думской комиссии, даже не счел возможным присутствовать на Конференции и прислал своего подчиненного. Разве это не характеризует отношения депутатов к проблеме прав человека (тире — их избирателя)? К тому же, разве не известна популистская сущность упомянутых представителем Госдумы законов? Все мы помним, как принимался закон о ветеранах и другие ему подобные: депутаты проголосовали, а дальше хоть трава не расти. Денег в бюджете нет? Ну и что! Мы отчитываемся перед избирателями, и мы этот закон примем, несмотря ни на что, — вот примерная

логика нынешних законодателей. И с этой точкой зрения были согласны многие участники конференции. Главное, что страдает механизм обеспечения и защиты прав и свобод человека. Как справедливо заметил начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России, кандидат юридических наук Валерий Бутылин, практическое воплощение механизм обеспечения и защиты прав и свобод человека получает в системе нормативных актов, в совокупности образующих действующее законодательство и различные действия органов государства, в процессе осуществления принятых норм. Однако правовая норма, если она не является порождением действительности, не отвечает реалиям времени, условиям конкретного общества, места, — такая норма не может быть реализована. Очевидно, добавляет ученый, что такая правовая норма мало пригодна (если вообще пригодна) для обеспечения прав и свобод человека, для оправдания ожиданий общества.

Организаторы Конференции не могли ударить лицом в грязь, и поэтому основные доклады были посвящены именно “благотворной” роли государства в защите прав и свобод гражданина. Однако на самом деле эта роль не более чем самолюбование. Большие ожидания от выступления тогда еще и.о. министра по делам национальностей Рамазана Абдулатипова окончились для многих участников Конференции разочарованием, что они и не скрывали. Причина была очевидна. Министр, несмотря на свой южный акцент, сумел обойтись в своем выступлении общей риторикой, рассказывал о нарушениях прав национальных меньшинств (“лиц кавказской национальности”) в Москве, в частности, как один дипломат из-за своей внешности вынужден был скрываться на даче, о том, как нужно бороться с национализмом, о проблемах так называемых “южных” народов, которым-де некуда приткнуться, о конфликте между Северной Осетией и Ингушетией (в том смысле, что “все надо решать на федеральном уровне”). В общем, был достаточно красноречив. И достаточно пуст.

Между тем национальный вопрос в России поставил не Абдулатипов и даже не Ленин — он стоял со времени создания государства. И все государственные мужи пытались его решить — такова многонациональная специфика страны, которая касается не только кавказских народов. Тем более, если речь идет о защите прав человека. Почему-то перестало быть модным говорить о сохранении этносов северных народов, как вообще их культуры, так и вообще их самих. В свое время, когда Федерация мира и согласия учреждала “Красную книгу народов”, профессор института этнологии и антропологии РАН В. Васильев говорил: “Проблема возрождения народов Севера может быть сведена, в основном, к следующим двум фактам: восстановлению промысловой и бытовой культуры и реабилитации языка. Как это сделать? Я думаю, что для дисперсно живущих северных народов, а многие народы живут дисперсно в одних поселках с русскими, это можно сделать путем национальных общин. ... Проблемы реабилитации языка нельзя решить без полной перестройки школьной сети в регионах. Надо создавать национальные школы с преподаванием родных языков...”.

Как это ни прискорбно, но мало того, что этой проблеме на Конференции было уделено минимальное время, но и, судя по выступ-

лениям, в некоторых регионах, особенно автономиях и республиках, русское население оказалось в состоянии подопечных профессора Васильева, хотя он произнес цитируемые слова семь лет назад. Достаточно вспомнить Чечню, другие регионы, где местным законодательством введена дискриминация русскоязычного меньшинства (и даже большинства) по языковому признаку, даже по признаку оседлости, что впрямую противоречит так всех устраивающему Основному Закону — Конституции России. Местные законодатели оправдывают такое положение вещей необходимостью защиты прав коренного населения — так называемых титульных национальностей. Обидно, что и.о. министра по делам национальностей страны кроме себя никого так и не услышал. А жаль.

Такая ситуация в правозащитной сфере, по мнению одного из выступавших, является следствием “низкой активности как самого государства, так и большей части российского общества в поддержании усилий государства в этой сфере”. Явная антиномия: государство, по Конституции являясь гарантом и инициатором правозащитнических, своим импотентным отношением к защите прав граждан подвигает последних наплевательски относиться к собственным правам... Верится с трудом. Особенно когда предлагается возложить на президентскую комиссию по правам человека новые полномочия “по разработке и координации исполнения государственными органами федеральных программ основ государственной политики в области обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина, придав ей соответствующий правовой статус”... Такой пассаж, пожалуй, требует перевода, но мы понадемся на расторопность читателя...

В принципе, статус придать можно, тем более есть кому: любо-дорого было смотреть, как председательствующий не только на Конференции, но и в президентской комиссии по правам человека Владимир Алексеевич Карташкин ловко парировал горячие нападки коллег из кавказских республик, беря пример с тогда еще и.о. министра Абдулатипова, и все это в отсутствие представителей ведущих негосударственных правозащитных организаций России, которые были заявлены к участию в Конференции, но не присутствовали. На деле же придание такого статуса означает создание новых рабочих мест для ... чиновников, и заодно много для них работы, а именно (по предложению одного из правительственных функционеров): выработать федеральную концепцию обеспечения и защиты прав человека и гражданина, согласовать развитие средств обеспечения и защиты с потребностями общества, достигнуть общего согласия по вопросам регулирования и применения непопулярных, но необходимых мер для социально-экономического роста и тому подобная казуистика.

Не уставали граждане, отягощенные должностями, повторять тезисы о взаимной ответственности. Государство-де обязано соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, гарантировать ему право на защиту. Но в свою очередь каждый человек и гражданин обязан соблюдать Конституцию и законы и защищать свои права и свободы правомерными способами.

Вот один из правомерных способов на примере столичной области — самой урбанизированной из всех субъектов РФ.

Нас убеждают: решение спорных вопросов в независимом суде — это цивилизованно, это демократично, это в духе времени. Что же делает государство для обеспечения этой самой независимости судов? А практически ничего.

Число тех, кто ищет правды в судах, растет с каждым годом. Так, в районные суды Подмосковья за прошлый год поступило более 155 тысяч гражданских (на 32 процента больше 1997 года) и почти 34 тысячи уголовных дел. Областной суд за то же время принял к производству 369 дел по первой инстанции и 6611 кассационных жалоб. Общая нагрузка на 486 работающих в Подмосковье судей, по сведениям Министерства юстиции РФ за 1997 год, превысила среднюю по стране, которая и так почти в два раза больше установленных нормативов.

При этом говорить об адекватности финансово-материального снабжения судебной системы вообще не приходится. В наступившем году федеральный бюджет выделил третьей власти 84 процента от необходимых средств. Здание Московского областного суда требует капремонта, милиция отказывается доставлять на заседания обвиняемых, так как камеры здесь не отвечают элементарным санитарным нормам и порой по несколько раз в день приходится вызывать к подсудимым “скорую”. Обещания построить новое здание меж тем раздаются уже года четыре. Пять лет игнорируются транспортные расходы судов, хотя на эти цели только в месяц тратится 50 тысяч рублей. 27 процентов истцов одного лишь Мособлсуда требуют суда с участием присяжных, а на содержание последних с начала года не поступило ни рубля. На конец отчетного периода нерассмотренным оказывается в Московской области каждое пятое дело, а в срок больше трех месяцев — каждое двадцатое.

По окончании работы Конференция приняла итоговый документ. Отрадно, что в нем хотя бы признается тот факт, что “закрепленные в Конституции Российской Федерации и международных договорах основные права и свободы человека и гражданина продолжают нарушаться практически повсеместно. Кризис, поразивший Россию в августе 1998 года, привел к тому, что миллионы россиян оказались на грани выживания...”.

А может быть, с этого надо было начинать?

Оксана Жукова,
Мария Зимтнг
(наши корр.)

Статья поступила в редакцию в мае 1999 г.